

УДК 811.161.1:161.26

А. Е. Барецкая

**МОДАЛЬНОСТЬ В СИСТЕМЕ ТЕКСТОВЫХ КАТЕГОРИЙ
В ПАМЯТНИКАХ ДРЕВНЕРУССКОЙ ПИСЬМЕННОСТИ:
К ПОСТАНОВКЕ ПРОБЛЕМЫ**

Рассматривается функционально-семантическая категория модальности в системе таких текстовых категорий, как микротекст, макротекст и мегатекст; выявляется интегративная функция модальности в построении смысловой вертикали древнерусского текста; определяется функциональная роль сложных синтаксических конструкций в системе модально-оценочных и жанрово-стилистических характеристик древнерусского текста.

34

This article considers the functional-semantic category of modality in the system of such text categories as microtext, macrotext, and metatext. The author describes the integrative function of modality in the construction of semantic hierarchy of Old Russian texts, as well as the functional role of complex syntactic constructions in the system of modal-evaluative and genre-stylistic characteristics of Old Russian texts.

Ключевые слова: модальность, текст, микротекст, мегатекст, интегративная функция, сложная синтаксическая конструкция, древнерусский текст.

Key words: modality, text, microtext, metatext, integrative function, complex syntactic construction, Old Russian text.

Рассмотрению функционально-семантической категории модальности как категории текстовой способствуют ее широкие языковые возможности объединения частных систем, реализующихся в качестве компонентов целого [1], поскольку интегрирующая природа модальности обуславливает связь языковых абстракций различных уровней с их функциональными реализациями. Так, синтаксические конструкции, представляющие собой структурный тип с определенным категориально-языковым значением, принадлежат уровню языка. Вместе с тем, выступая в конкретном употреблении, синтаксическая конструкция реализует семантику определенной языковой модели и в этом качестве соотносится с уровнем речи, с уровнем текста. Текст — это сложное структурно-смысловое образование, многомерность которого требует последовательного всестороннего изучения. Исследование древнерусского текста как смыслового целого предполагает выделение ряда структурно-функциональных аспектов, выступающих в качестве текстообразующих категорий. Интегративная природа модальности, раскрывающей закономерности взаимосвязи смысловой структуры текста, категориальной семантики языка и картины мира, позволяет рассматривать ее в качестве одного из таких аспектов.

Известно, что период древнерусского языка — это эпоха коренного поворота в истории восточного славянства, которая повлекла за собой значительные изменения в мировоззрении. «Смена больших философ-

ских эпох, — отмечает М. Эпштейн, — есть прежде всего смена модальностей мышления» [8, с. 53]. Новое культурное мышление породило литературную рефлексию, заданную новой модальностью мышления с доминирующим оценочным компонентом и наличием прецедентных текстов, важнейшими из которых, безусловно, были библейские. «Сфера книжной культуры продолжает быть сосредоточена вокруг единого центра, который — если говорить о текстах — воплощается в Святом Писании и богослужебных книгах. В иерархическом построении восточнославянской средневековой книжности именно эти тексты выступают как абсолютный, онтологический текст, служащий образцом и моделью для всего культурного пространства» [2, с. 39]. Восприятие культурно-христианского наследия путем творческого преобразования ментальной сферы старославянского языка «способствовало формированию собственного стиля художественного текста» [5, с. 93]. На эмпирическом уровне это отразилось в формировании новых принципов текстообразования. Культурно-исторический поворот способствовал активной концептуализации всей славянской культуры в рамках *Slavia Orthodoxa*. Мировоззренческий принцип становится текстообразующим. В словесном творчестве рождается новое измерение — вертикальное. Появляется новый уровень прочтения текста — «вертикаль текста», понимаемая как «система внутритекстовых интеграционных семантико-смысловых связей между доминантными интенционально значимыми концептами» [3, с. 59]. Отношения между указанными текстовыми уровнями выстраиваются в иерархической последовательности: мегатекст — макротекст — микротекст [3].

Рождающийся новый взгляд на мир формирует, по нашему мнению, новый тип модальности, который актуализирует уже заданные концепты оценочного характера, в общем виде оппозиционирующие как «благо» — «зло». Модальность, организующую концептуальное пространство библейского мира, можно определить как модальность библейского мышления.

Выделение модального компонента как доминирующего способа структурно-смысловой организации древнерусского текста соотносится с проблемой жанрово-стилистического определения всей литературы Древней Руси в целом.

Как известно, тезис о четкой членимости древнерусской литературы на традиционные жанры подвергался переосмыслению. Обобщая полемику ученых-славистов, нельзя не согласиться с тем, что «категории классификации текстов, восходящие к античной риторике, для древнерусских книжников и читателей были не актуальны» [7, с. 10]. Отсутствие кодифицированной риторики компенсировалось, однако, имманентно существующей поэтикой так называемого готового слова [7, с. 11]. Неписанная риторика древнерусского текста имплицитно структурировала уровень мегатекста, предопределяя жанрово-стилистические принципы организации произведения и характер его восприятия.

Следуя вышеизложенному пониманию текста как трехуровневой смысловой структуры, выделим для конкретного исследования уровень микротекста, реализующий экспликацию модальных значений синтаксических конструкций различной структурной организации: от моно-

предикативной единицы до композиционного блока. Модальность библейского мышления предопределяет выбор языковых средств в жанрах, наиболее полно реализующих оценочную сферу традиционных канонических текстов. Это жанры проповеди, слова, жития. Для них основным текстообразующим фактором следует признать доминирующий признак объективной модальности микротекстов, описывающих сферу мистического субъекта, в котором воплощаются концепты канонических текстов «Бог», «Истина», «Разум», «Слово». Сакральные смыслы способны реализовываться в различных синтаксических формах, однако наиболее частотна сложная синтаксическая структура с несколькими предикативными центрами, или — в терминах теории текста — единицами микротекста:

В минуѡвшюу недѣлю всемоу премѣненіе бысть • створи бо сіа небомъ земля • очищена бгмъ отъ бѣсовскихъ сквернъ • англи с женами равоуѣпно воскресію слоужать (Сл. Кир. Тур. [10, с. 141]).

В приведенном отрывке элементы микротекста являются выражением частных значений модальности «оценки факта», в основном локализованных в придаточных предложениях со значением причины. При этом причинно-следственная семантика предикативных компонентов приглушена, так как целью высказывания является описание ситуации в ее наиболее существенных характеристиках, а не логическая последовательность действий:

Наипаче же тако и въ странѣ сей такъ сии моужь яви сіа • и оудодникъ бни • о семь бо и самъ гъ прорече • тако мнози придоутъ отъ вѣстокъ и западъ • и възлагоутъ съ авраамъмъ и съ исакъмъ и инаковъмъ въ црствии небеснѣмъ • и пакн мнози боудутъ послѣднии ибо сии послѣднии • вѣщии пръвѣхъ (Ж. Феод. Печ. [12, с. 53]).

В указанном микротексте положительная оценка факта дополняется композиционным элементом сравнения с библейскими героями, что является способом обобщения компонентов микротекста с единым оценочным компонентом «Благо».

Маркированные смысловые компоненты объективной модальности сферы мистического субъекта в силу своего высокого ценностного статуса требуют развернутого изложения, которое подчеркивает определенную дистанцию между субъектами текста:

Взидѣмъ нынѣ и мы братіе мысленно в сионскоую горницу • тако тамо аплн собращаста • и самъ гъ исъ хъ затворенымъ дверемъ • посредѣ ихъ обрѣтесе • и рекъ миръ вамъ исполъніа радости • возрадоваша бо сіа рече оучници видѣвше га • и всю печаль телесноую и страхъ срчныи отъриноуша • дасть бо сіа дшамъ ихъ дхвнага дерзость познаниемъ своего ваки (Сл. Кир. Тур. [11, с. 145]).

В приведенном отрывке описывается сложная, многоступенчатая ситуация в форме представления-воспоминания об уже слышанном. В тексте это значение эксплицируется глагольной формой с модальным оттенком приглашения к совместному действию (**взидѣмъ... мысленно**). Первый элемент микротекста занимает ядерное положение и в структурном отношении, и в смысловом. Данная ситуация выражает причину последующих изменений в эмоциональном состоянии апостолов,

которое характеризуется положительной семантикой (**возрадоваша ся, печаль и страхъ отъ ринноуша**). С другой стороны, третий компонент всего микротекста, занимая рематическое положение, эксплицирует главный результат ситуации: приобретение духовной силы. Указанная композиционная единица выступает в качестве средства создания макротекста и имплицитно целевую установку автора в рамках модальности сопричастности с доминантными смыслами мегатекста.

Этот наиболее часто встречающийся тип микротекста в житиях и проповедях не исключает, однако, выражения модальных вариантов оценки самого субъекта текста. Доминирующая объективная модальность сферы мистического субъекта предопределяет позицию субъекта текста как реализуемую по линии «должное — недолжное». Модальность долженствования, структурирующая текстовую презентацию субъекта текста, интегрирует его в мегатекст за счет имплицитно выраженного значения внутреннего согласия с той картиной мира, которая выстраивается в модальном поле библейского мышления. Таким образом, субъект текста сам становится элементом необъятного библейского мира. Думается, что в этом кроются причины высокой гражданской позиции древнерусских книжников и той особой серьезности, о которой писал Д. С. Лихачев: «Литература не носила развлекательного характера, она была школой, а ее отдельные произведения в той или иной мере поучениями» [6, с. 41].

Другой важнейшей жанрово-стилевой формой древнерусской литературы являлась форма летописи. Об особом значении жанра летописи в выработке стилистических норм древнерусского языка, а затем и русского литературного языка писалось не раз [4, с. 8]. При этом в качестве основополагающего признака жанра исследователи выделяют его принципиальную разностильность. Рассуждая в рамках теории текста, необходимо отметить в этом жанре сосуществование двух жанрово-стилевых систем, различие между которыми определяется неоднородными модальными планами. Жанр летописи, благодаря своей наибольшей «функциональности», был наиболее проницаемым для разнородных культурно-стилистических систем. В древнерусских летописях конструктивным текстообразующим принципом является модальность устно-поэтического мышления, что особо показательно выступает на уровне синтаксической организации текста. Доминирование сочинения над подчинением, однотипность глагольных форм и союзных средств предикативной связи имеют, на наш взгляд, стилистические объяснения, а не гносеологические. В летописи мысль лежит в иной модальной плоскости, нежели у канонических и связанных с ними общими признаками текстов. Летопись стилистически маркирует спокойную, ненапряженную цельность. Преобладание в ней пространственного модуса — реликты древнего состояния мысли, языческой, аморфной, замкнутой. Поэтика *готового слова* формирует направления стилистической организации летописного текста:

И выехъ на гарослалъ дворъ и цѣлова чтънын кртъ • а новгородци к нему • тако с нимъ въ животъ и въ смръть [11, с. 78]; ...а городъ възашъ и люди нѣкшоша • и тоу костю падоша (Новг. лет. [11, с. 83]).

Вместе с тем летопись моделирует и текстовые смыслы, относящиеся к уровню мегатекста. Интерпретация современных автору событий в свете христианской истории обусловлена представлением о вовлеченности своего этноса в христианскую историю:

Тако бо мефодии гать • тако скончанию врѣмень авигини • тѣмъ • паже
загна гедеонъ • и попѣнять всю землю • отъ вѣстокъ до ефрата • и отъ
тигръ до поньскаго моря • кромѣ ефиопия (Новг. лет. [11, с. 80]).

Смысловая связь летописей с уровнем мегатекста осуществляется опосредованно, через создание положительного образа русских правителей. Для автора это объективная данность, и поэтому использование прецедентных высказываний реализует объективную модальность определенных микротекстов. Интеграция с мегатекстом через видоизмененные библейские цитаты формирует в текстовом пространстве летописи компоненты модальности библейского мышления, что доказывает факт взаимодействия параллельных культурно-художественных систем в рамках летописного жанра: **Рече еи тако багна ты в рѹскихъ • тако возлюбн свѣтъ а тьмѹ остави** (ПВЛ [9, с. 104]).

Выделенные нами типы модального мышления не являются строго детерминированными способами выражения концептуального мира древнерусских текстов. Напротив, описанные выше модальные системы открыты для внутрисистемных взаимодействий. Так, в тексте летописи встречаются микротексты различной стилистической направленности, маркированные нетрадиционными для этого жанра типами модальных значений: **Придоша языци незнаемі • ихъ же доврѣ никто же не вѣсть • кто соуть и отколе изидоша • и что языкъ ихъ • и котораго племєне соуть • и что вѣра ихъ** (Новг. лет. [11, с. 79–80]). Маркированные вопросительными местоимениями элементы микротекста, располагаясь в последовательном порядке, формируют определенный тип текста, складывающийся в рамках модальности рассуждения.

Таким образом, рассмотренные функциональные реализации категории модальности в системе древнерусских текстовых структур и полей позволяют выявить особую роль данной категории в интегрировании важнейших конструктивных элементов древнерусского текста, с его разноуровневой организацией, стилистической неоднородностью и своеобразием авторских интенций. Вполне очевидно, что важнейшее значение для построения смысловой вертикали древнерусского текста имеют сложные синтаксические конструкции, эксплицирующие взаимное соотношение модально-оценочных и жанрово-стилистических характеристик. Эти и другие проблемы модальности древнерусского текста требуют, на наш взгляд, дальнейшего подробного изучения.

Список литературы

1. Бондарко Л. В. Теория функциональной грамматики. Темпоральность. Модальность. Л., 1990.
2. Живов В. М. Язык и культура в России XVIII в. М., 1996.
3. Ковалев Н. С. Древнерусский литературный текст: проблемы исследования смысловой структуры и эволюции в аспекте категории оценки. Волгоград, 1997.
4. Колесов В. В. Древнерусский литературный язык. Л., 1989.

5. Колесов В. В. Средневековый текст как единство поэтических средств языка // Герменевтика древнерусской литературы. М., 1998. Т. 9.

6. Лихачев Д. С. Избр. работы: в 3 т. М., 1987. Т. 1.

7. Сазонова Л. И. Литература средневековой Руси в контексте SLAVIA ORTHODOXA: теоретические и методологические проблемы исследования жанров // Славянские литературы. Культура и фольклор славянских народов. М., 1998.

8. Эпштейн М. Философия возможного. М., 2001.

9. Повесть временных лет (ПВЛ) // Хрестоматия по истории русского языка. М., 1990.

10. Слово Кирилла Туровского на антипасху (Сл. Кир. Тур.) // Там же.

11. Новгородская первая летопись (Новг. лет.) // Там же.

12. Житие Феодосия Печерского (Ж. Феод. Печ.) // Там же.

Об авторе

Алла Евгеньевна Барецкая — канд. филол. наук, доц., Балтийский федеральный университет им. И. Канта, e-mail: baretskaya@mail.ru

About author

Dr. Alla Ye. Baretskaya, Associate Professor, Immanuel Kant Baltic Federal University, e-mail: baretskaya@mail.ru